

СЕРИЯ «СОВРЕМЕННОЕ БОГОСЛОВИЕ»

В серию входят книги
по современному богословию
(основное, литургическое,
нравственное богословие
и другие его разделы), принадлежащие
перу выдающихся современных
авторов основных христианских
конфессий

СЕРИЯ «СОВРЕМЕННОЕ БОГОСЛОВИЕ»

Олег Давыдов

СИЯНИЕ ФОРМЫ

Этюды
о красоте, благе и истине

МОСКВА

УДК 27-1
ББК 86.37
Д 138

*Издание осуществлено при поддержке
Фонда поддержки научных теологических исследований
«Теоэстетика».*

Давыдов Олег

Сияние формы. Этюды о красоте, благе и истине / (Серия «Современное богословие»). – М.: Издательство ББИ, 2021. – xviii + 279 с.

ISBN 978-5-89647-409-8

Новая книга богослова и философа Олега Давыдова представляет собой полифоническое единство тем и вопросов, относящихся к наиболее значительным моментам настоящего. Поиск автора направляют размышления о бытии, о его проявлениях и качествах. Книга приглашает читателя к совместному созерцанию и осмыслению бытия как дара, а также к поиску ответов трансцендентного в красоте, благе и истине.

Научный редактор: Ирина Языкова

Верстка: Татьяна Дурнова

Обложка: Алексей Чекаль

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме, включая размещение в сети Интернет, без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Давыдов Олег Борисович, 2021

© Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2021
ул. Иерусалимская, д. 3, Москва, 109316
standrews@standrews.ru, www.standrews.ru

Содержание

Предисловие	vii
Часть I. Религия.....	1
Преимущества различия.....	3
Свидетель Славы	11
Традиция раздора.....	20
Искусственная дискуссия.....	23
Шторм веры.....	27
Универсальный брат	35
Волна за волной.....	42
Пламя в тени.....	51
Трагедия дуализма.....	60
Смерть смерти.....	65
Несокрушимое Слово	72
Часть II. Философия.....	79
Путиами трилистника.....	81
Оккаминистская партия.....	91
Становящееся бытие.....	97
<i>Pater philosophos</i>	103
Жемчужина неправильной формы.....	109

Доказательство бытия самого себя.....	112
Путь к реальности	118
Иные горизонты.....	125
Чувствующий разум	134
Ценности и ценники	142
Часть III. Вариации.....	151
Триумф спонтанности	153
Забывтое завтра.....	160
От одиночества к совместности.....	171
Усталое сердце	179
Архитектура и прекрасное.....	184
Дар эволюции.....	196
Благо и выбор: что первично?	205
Тонкая двойная линия	214
Весеннее сияние мира	218
Часть вечности.....	222
Игры с огнем.....	227
Преодолевая границы	231
Дар общения	235
Возвышение природы	239
Парадокс различий.....	247
Возвращение красоты	254
Авторские тексты, вошедшие в данное издание в измененном виде	271
Указатель имен.....	275
Предметный указатель.....	277

Предисловие

Удивление тем, что слово перекликается с миром, было всегда со мной. Иногда поток сознания движется равномерно, иногда вскипает и устремляется к неизведанному, ведомый внутренней потребностью и влекомый горизонтом возможного. Я никогда не стремился ограничивать течение языка, но его раскаленная субстанция свободно выбирала тигли, вливаясь в которые, принимала форму богословия, философии или литературы. Кому надлежит проводить границы? Не оканчивает ли свой путь познание там, где звучит лишь славословие? Там, где пределы постижимого переходят границы выразимости, не уместнее ли молчание?

Двигаясь в беспредельном просторе мира, мы говорим, движемся и существуем. Мы призваны к бытию. Но бытие невыразимо в понятиях и не дано нам в опыте как предмет среди других. Сталкиваясь с тем, что превосходит нас, с тем, что определяет горизонт нашего существования и нашей мысли, мы можем выбирать способы реакции на происходящее. Культура сообщает нам, что мы не первые, для кого бытие являет себя, и наша реакция не может не учитывать этого. Метафизика – это расплывшийся в постмодернистских герменевтических топях знак, вне зависимости от желания, остается непреодолимым горным хребтом культуры.

Мы понимаем друг друга хотя бы на самом поверхностном уровне, мы соприсутствуем в восхитительной и блистательной сфере реальности. Мы есть дар, и осознанное отношение к реальности подразумевает благодарность и открытость к слышанию, готовность бежать от всякой окончательности и окаменелости, быть открытым к дополнениям и мирным вариациям, дышать различием и вдыхать мир всем существом.

Многополярность и полифоничность смыслового пространства информационной эпохи в большей или меньшей степени ощущается всеми. В этом многообразии дышит дух эпохи, неуловимое, но вместе с тем понятное для всех, присутствие Другого. Всякое высказывание, возникая, ментально попадает в контекст других высказываний и интерпретаций, обретает себя в игре отражений и смысловых нитей. Расширение тотальной демократии смысла рассматривается и принимается по умолчанию как средство против всякого абсолютизма, спекулятивного или практического. Всегда можно поставить скобки, чтобы обезвредить истину, сделать ее приемлемой и одинаково пустой для всех. Но вопрос о границах и настоящих, а не декларируемых, и способности этого стиля дать пространство инаковому, услышать его голос, как и вопрос о природе всеобщего гостеприимства или безразличия (в зависимости от отношения) – остается открытым.

Восхитительная пластичность слова, гибкость стиля, игра света и воздушная перспектива, тонкость запахов и мимолетность касаний – таковы лишь некоторые из нитей, из которых сплетается изящная, испещренная деталями и живыми лакунами зыбкая поверхность реальности. Не предсказать, как отразится луч, как он преломится в цепи вращающихся кристаллов. Не меньшей тайной наделено и

слово – сама невесомость, ничтожно малая энергия – способное растопить исполинские ледники и разрушить непреступные стены. Смотря издали на свои тексты, узнавая и не узнавая их, спустя время, я становлюсь в ряд читателей, вижу себя прежнего и постоянно меняющегося. Возможно, сегодня я сказал бы что-то иначе, что-то не сказал бы вовсе, но как и что, не известно мне самому. Грань между молчанием и многоречивостью настолько подвижна и неуловима, насколько необходима и обнаруживается постфактум.

Чуткий слух – редкий инструмент, способный улавливать ритмы красоты, но он без труда различит господствующее настроение текущего исторического момента, и это настроение разочарования. Усталость от глобальных идеологических проектов и возвышенных идей, от того, что с известной долей вульгарности называется «метафизикой», присутствует всюду. В широких интеллектуальных кругах все еще модны критические настроения в отношении реальности. Они усваиваются вместе с остальными элементами культурной атмосферы и редко излагаются четко. Тут и явно поизносившийся, но все еще респектабельный в своей классической монументальности картезианский принцип тотального сомнения, но в большей степени этот стиль восходит к тем, кого Поль Рикер удачно назвал «мастерами подозрения» (Маркс, Ницше, Фрейд), призывавшим «срывать маски» и искать за поверхностью явлений то, что оно есть «на самом деле». Кроме того, что критика давно превратилась в сферу обитания экспертов и комментаторов, производителей смыслов, она органично продолжает советскую герменевтику подозрения, ищущую за любым явлением и процессом классовые противоречия. Несущественное отличие состоит в том, что сейчас репертуар искомым скрытым смыслов стал шире. Разум истории большой

шутник – он всякий раз предлагает сыграть в одну и ту же игру, и всегда находятся желающие сыграть в надежде выиграть. Те попытки выразить христианскую истину, которые во имя мнимой верности истокам отказываются от всякой новизны, не соответствуют тому духу, чьими провозвестниками себя провозглашают.

Культурный и интеллектуальный ландшафт поздней современности, несмотря на его вариативность, пестроту и внутреннюю поляризацию, поражает почти тотальным равнодушием к трансцендентности. Отсюда происходит единодушный иронический скептицизм в отношении истины как того, что представляет нечто анахроническое, скучное наследие пыльной метафизики, которое должно появляться на страницах актуальных размышлений только в кавычках и не могущее быть воспринято всерьез без того, чтобы быть подвергнутым деконструкции. Это все хорошо известно и не требует долгих объяснений как общее место. Все возражения против притязаний на причастность к истине реальности вошли в генетический код современного сознания. Вопрос следует поставить иначе – какая актуальность предшествует этим и другим возможностям отказа от истины как имени бесконечности? Неважно, будем ли мы при ответе на этот вопрос двигаться параллельными или перпендикулярными путями с теми, которыми движется позднесовременная респектабельная мысль. Несравненно более существенным будет наличие необходимой энергии, позволяющей выйти за узкие рамки интеллектуальных стереотипов эпохи и достичь тех духовных и метафизических горизонтов, которые остаются безмерно вдохновляющими и не иссякающими истоками истины, блага и красоты. То, что для многих выглядит как авантюра, обнаруживает под видом нового обращение к тому, что пребывает вечно и пи-

тает существование без всяких ограничений, включая переходящий культурной контекст.

Я буду рад, если читатель последующих страниц ощутит тот экзистенциальный горизонт, который можно назвать созерцательным и в практическом смысле ориентированным на присутствие бесконечного в конечном. Я не буду рад, если мне не в полной мере или не везде удалось сделать этот горизонт явным. И все же, надежда на возможность приобщения к чему-то превышающему смысловое содержание текста никогда не исчезает. Если человек есть существо, способное преодолевать границы и пределы, существо трансцендирующее, то это открывает возможность для общения. Это создает пространство для взаимного отражения различных миров, во многом чуждых друг другу и непонятных, но имеющих между собой то общее, что гораздо более важно, чем отличия, но не всегда попадающее в поле зрения и не принимаемое в расчет.

Не буду отрицать мою приверженность определенному образу мысли, мало популярному в нынешние времена и имеющему почтенную историю, что придает ему некоторый шарм и одновременно ставит под удар со стороны исторической критики. Но это признание необходимо для понимания и истолкования любых тем, вопросов и проблем, которые неизбежны в рамках этой позиции. Плодотворный разговор возможен только в случае открытости и взаимного принятия предпосылок, сколь бы экстравагантными они не казались представителю иной позиции. Первое требование ответственного мышления – способность выносить сложность и не сводить ее к искусственной простоте, отличающейся от изначальной простоты как земля от неба.

Чувствительность к воспринимаемой реальности, которая является для нас всех единым домом, никогда не ухо-

дит полностью из бесконечно широкого горизонта метафизики. Но там, где и когда по многим причинам, случайным и необходимым, на время устанавливается порядок, не допускающий притязаний на метафизику, она не исчезает, а отступает, не утрачивая своего значения. Вопреки критическому предрассудку, дело не в том, чтобы обладать истинной, едва ли кто-то может притязать на это всерьез. Более существенный вопрос состоит в потребности отдать приоритет истине, которая сама ведет себя и выражает любыми способами, не будучи связана с необходимостью. Просвещенческая иллюзия о том, что язык служит инструментом и принадлежит субъекту, отбрасывается вместе с заблуждением о субъективной автономии. Пробуждение от критического сна происходит в результате терпеливого и долгого созерцания тайны бытия, того изначального эстетического вовлечения в присутствие, из которого рождается всякая мысль и всякое дело. Не обойтись и без решимости следовать теми путями, которые могут быть неизвестны и неочевидны. Эта решимость рождается из предшествующего всякой артикуляции и действию мгновенного слияния личного творческого намерения и данности мира в его великолепии. Все это может звучать несколько отвлеченно, но в действительности выражает наличное положение вещей, свободное от формалистического разделения теории и практики. Можно было бы описать «структуру» того опыта, из которого я исхожу, как движение к тому, что уже дано, как почти необходимое осуществление свободы как природы бытия во времени. Но то, о чем идет речь, ускользает от объективного описания, которому доступны только его внешние очертания и свидетельства. Пожалуй, лучшим, хотя и несовершенным словесным маркером для этого опыта будет «экзистенциальный», это то, что пред-

шествует всякому выражению и, тем не менее, воспринимает его как естественное развитие.

Уклонение от ответа на вопрос о природе реальности не является ответом на него и ни в коей мере не приближает к ответу. Вопрос не в возможности метафизики, старой или новой, если допустить уместность таких определений. Любой хоть сколько-нибудь ясный и адекватный вещам взгляд не избежит встречи с ситуацией прямо противоположной. Дело в том, что вопрос о возможности метафизики переходит в вопрос о возможности ее отсутствия, который для меня имеет однозначно отрицательный ответ. В таком положении не следует видеть что-то экстраординарное или эпатажное, как и не стоит растворять особенность момента в историческом релятивизме и деконструктивном производстве смысловых облаков. Целесообразно предоставить свободу вещам, осязаемым и зримым, одновременно противостоящим произволу абстрактной спекуляции и указывающим на то, что превышает каждую из них. Иначе это можно выразить как призыв к трансцендентному, ибо только в дарующем себя свете Другого все обретает свое естественное место, вторичное становится вторичным, а первичное – первичным.

Если нам удастся, в результате целенаправленных усилий, или, что вероятнее, в ходе созерцательного «бездействия», увидеть вещи и события в их изначальной данности, тогда восприятие мира и своего положения в нем меняется в нужную сторону. В таком случае извне приходит освобождение от предварительной и недействительной в новой ситуации установки на смиренное отрицание возможности конечного разума познавать бесконечное и быть экзистенциально вовлеченным в процесс реальности. Как бы ни была сильна привычка к утилитарному восприятию

событий и вещей, стремление к самим вещам в их изначальной данности никогда не иссякнет и не перестанет сопутствовать вдохновению. Я убежден, что достойный своего имени разум ориентируется в горизонте бесконечного в стремлении к истине не как к собственности или результату автономной познавательной деятельности, а как к пространству, в котором всякое событие, вещь и он сам обретают причастность к истоку бытия. Невозможно переоценить благотворного влияния некоторого созерцательного идеализма на культуру, колеблющуюся между герменевтическим нигилизмом и декадентским эстетизмом. Речь не идет об очередном проекте растворения исчезающего конечно-го в слепящем свете универсального, наоборот – о том непредсказуемом явлении бытия, которое неподконтрольно никаким систематизациям. Следует помнить и о том радикальном различии, которое разверзается между по видимости схожими словами о реальности, одни из которых отказываются от своей неизбежной и благой принадлежности к бытийному истоку, а другие его смиренно принимают и устремляются к нему.

Тексты, вошедшие в это издание, посвящены самым разнообразным предметам и не составляют какой-либо систематической целостности. При этом каждый из текстов не представляет собой и совершенно замкнутой единицы, не перекликающейся с другими и не связанной с ними. Скорее, это относительно компактные подступы к большим темам, разворачиваемые как вариации с открытым продолжением и дополнениями. Они были написаны в разное время и в разных контекстах, среди бескрайних пространств речной долины, напоенной небесным светом, в атмосфере морского ветра, порой крепкого, порой нежного, а также в других местах и ситуациях, не менее достойных упоминания.

Возможно, сегодня обращаясь к ним, я бы иначе расставил некоторые акценты или выбрал иные слова, но все эти тексты выражают мой личный взгляд. Я имею в виду именно личный, а не субъективный взгляд как созерцательное следование за предметом, прокладывающим дорогу языка среди молчания, своеобразное воздержание от излишних интерпретаций, приводящих к словесной инфляции. Эстетическая радость, вслушивание и всматривание в мир предшествует познанию, задает ему импульс и направление, как гладкая поверхность горного озера тем лучше отражает причудливые очертания облаков, чем менее привносит своего или случайного, возникшего как эффект влияния одних событий на другие в хаотическом пространстве настоящего момента. Но следует отличать эстетику от эстетства, незаинтересованного в истине и благе блуждания в пространствах мира. Скорей эту направленность можно выразить как аналогию хайдеггеровскому вслушиванию в зов бытия, тихий и трудноразличимый в информационном потоке.

Туманные реки производства смыслов и интерпретаций затрудняют возможность встречи с миром. Нет иного пути сквозь этот туман как тот, который направляется к свету, к излучению поверхности вещей. На этом пути есть и попутчики, причем самые значительные и вдохновенные, никогда не устающие стремиться к цели, не теряемой из виду при всех сложностях и крутых поворотах. Но это движение не стоит путать прогрессом, с последовательным преодолением более низких ступеней с переходом в ранее не существовавшее относительно совершенное состояние. Это движение к тому, что уже есть, присутствует здесь и сейчас, но находится в тени, предано забвению вследствие невнимательности и суеты. Чтобы услышать тихое звучание, необходимо погрузиться в тишину и перестать производить

шум. В значительной мере, а возможно и в определяющей, собранные здесь тексты несут в себе необходимый момент умолчания и молчания. Лишь та мысль достойна выражать истину, которая остается недосказанной и открытой к истине, бесконечно превышающей все, что можно о ней сказать.

Опыт причастности к реальности находит слова для своей манифестации. Не для обозначения или выражения в понятиях, не для информирования и передачи сведений, а именно для проявления, для присутствия бытия. Он постоянно в пути, пересекает пространство между скрытым и отрывающимся, между временем и неподвижным моментом, между пространством и присутствием. В наши времена, когда слова взметаемы всеми ветрами и кружатся в неостановимом вихре, как никогда ощущается и осознается необходимость обращения к истоку всякого слова, к свету бытия, в котором проявляется всякая форма и всякая истина. В пространстве молчания слово обретает свои подлинные контуры, не стремясь ни к исчезновению, ни к слиянию с бесформенным всеобщим. Оно ускользает туда, где становится недоступно для прямолинейного взгляда или объективного исследования, но именно там оно обретает себя как свободное явление бесконечного в конечном. Неисчерпаемое, как песчинка – мельчайшая, но существующая.

Разнородность тем и текстов этой книги образует достаточно серьезную проблему для того, чтобы обозначить их общую направленность и пафос. И все же, я бы сказал о более или менее представленном стремлении к языку причастности, который выражает простое обстоятельство присутствия в едином пространстве и времени. Особенно четко это ощущается в наши дни, когда в результате глобальной пандемии мир пришел к пониманию всеобщей взаимосвязи

существования с грандиозной убедительностью. Впервые за долгое время осуществилась редкая для человечества возможность обнаружения искусственности многих идейных оппозиций и открылось пространство для иного видения, более созерцательного и менее самонадеянного.

Для меня письмо не является автономной практикой, оно призвано очертить контуры пространства для иного взгляда, не столько индивидуального, сколько «метафизического». Это взгляд может показаться несвоевременным и даже провокативным, это так и есть. Если у свободы и есть позитивное содержание, то оно состоит в неустранимом стремлении поверх установленных порядков и господствующих мнений. Но это стремление не должно быть произволом, вспышкой капризной воли, но желанием причастности к благу, настолько совершенному, что его несуществование исключено его бесконечностью. Все, что мы делаем или можем сделать, обретает высший смысл только в этом предельном горизонте, который в равной степени можно называть безграничным.

Ввиду этих изумительных обстоятельств я должен признаться в следующем. Меня восхищает, вдохновляет, научает и наставляет опыт и зов бытия, который кардинально отличается от господствующего ныне антиметафизического и герменевтического догматизма. Ничего не существует вне наиболее общих и предельно конкретных характеристик бытия – истины, красоты, единства и блага. Они не столько описывают свойства субъекта, сколько принадлежат самим вещам и исходят из являющей тайну реальности, они не случайны и не автономны, а необходимы и взаимно обратимы, синонимичны и неразрывны. Иначе говоря – полнота реальности и бытия обретается как дар и раскрывается в переливающихся гранях, озаряющих детский

взгляд: лучащаяся истина питает его, изливающееся добро согревает, а сияющая красота – призывает. Это может звучать наивно и несерьезно для современного, разъеденного скепсисом, пресыщенного и усталого духа. Океан тоски неизбытен и беспросветен сам в себе, он неподвижен и лишен движения. Принятие дара совпадет с «единым на потребу», со Словом всех слов, спасающим, избавляющим и просвещающим. К счастью или к сожалению, в моих текстах нет ничего другого. По правде сказать, ничего другого я никогда не искал.